

СМУТНЫЕ ПОИСКИ РОССИИ: СМУТА В КОНТЕКСТЕ РОССИЕВЕДЕНИЯ

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРЧЕНЯ,

*кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры философии
Московского университета МВД России*

Научная специальность 09.00.11 – социальная философия

Рецензент: доктор исторических наук, доцент Чертищев А.В.

E-mail: marchenyap@mail.ru

Аннотация. «Смута» рассматривается как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все ключевые конфликты российской истории. Взаимодействие масс и власти рассматривается как основной фактор генезиса и преодоления русской смуты. Вопрос о легитимности власти решается массами в системе архаических координат «свой–чужой». Автор сравнивает противостояние «двух России» в Смуте 1917 г. и в Смуте рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: смута, революция, империя, массы, массовое сознание, идентичность, россиеведение.

Annotation. «Smuta» is considered as an essential problem of the Russian studies, in which concentrated all key conflicts of Russian history. The interaction of the Masses and the Power is considered as the main factor determining the genesis and overcoming of Russian strife. The question of the legitimacy of Power is solved by the Masses within the system of ancient oppositions «native–opposite» («friend-or-foe»). The author compares confrontation between the «two Russias» Troubles in 1917 and in the Troubles at the turn of XX–XXI centuries.

Keywords: «Smuta» (Time of Trouble, Distemper, Strife), revolution, empire, masses, mass consciousness, identity, Russian studies.

Сегодня особую актуальность для российского общества и отечественных ученых в области социогуманитарного знания вновь обрела старая проблема цивилизационной идентичности России, ее власти и ее народа. Нерешенность этой проблемы в настоящее время порождает мучительные теоретические поиски идейной формулы «подлинной» России – «России, которую мы потеряли» в прошлом и которую мы хотим «найти» в будущем. В течение только последнего столетия Россия уже по крайней мере два раза оказывалась на грани утраты исторической идентичности, из промежуточного положения «между “Империей” и “Смутой”»¹, срываясь в «безвременье»² последней. И дважды за один век Россия заплатила за непонимание собственной природы и механизма возникновения и развития общенародной смуты распадом исторически сложившейся имперской государственности: сначала царской, затем и советской.

Такая повторяемость системных кризисов выглядит даже одной из идентификационно значимых особенностей России, имманентно устойчивой характеристикой ее трансцендентно «неисповедимого» пути, требующего специальной теории и терминологии. Как образно, например, сформулировал поэт А. Кривенко, «русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку»³. В современной науке отечественные кризисы/смуты не только уже признаны «естественной формой пространственно-временного существования России», но и становятся центральной темой проективного

россиеведения в целом, ибо «сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория»⁴.

В этой связи закономерным выглядит возвращение в научный оборот непереводаемого на иностранные языки термина «Смута», первоначально употребляемого в дореволюционной литературе преимущественно по отношению к известным событиям рубежа XVI–XVII вв. Периодическое рассыпание и повторное складывание всей системы взаимодействия власти и общества сверху донизу, увы, оказалось характерно и для новейшей истории России. Такие циклы дезинтеграции–реинтеграции комплекса связей, образующих самобытное цивилизационное единство России, сопровождаются всенародным мучительным отторжением власти «чужой» и поиском «своей», «новой–старой» власти, способной дать адекватные ответы на новые вызовы истории – но при этом сохранить историческую преемственность. Смута начала XX в., ознаменовавшая распад Российской империи и ее возрождение в формате Советского Союза, и Смутное время, в котором до сих пор, по мнению многих ученых⁵, пребывает наша государственность после распада СССР с конца XX в.), показали исключительную значимость осмысления феномена «Смуты» для понимания судеб России не только в ее прошлом, но и в ее настоящем и будущем. Более того, от ответа на вопрос: «Что такое Смута?» –

в немалой степени зависит и ответ на вопрос: «*Что такое Россия?*».

Вобравший в себя трагическую противоречивость русской исторической судьбы концепт «смуты», похоже, навсегда прописался в саморефлексирующей культуре России. И, несмотря на его терминологическую неоднозначность (или благодаря ей), вряд ли возможно подобрать другую лексему, способную столь же органично «вписаться» в руссиеведческий дискурс. Вообще, по мнению, например, А.И. Фурсова, если «в качестве метафоры образ “смута” может применяться далеко за пределами русской истории – как некое “time of trouble” в США 70-х годов, в Китае XVII в. или в Древнем Египте эпохи переходных периодов», то «в научном плане... “смута” есть термин, отражающий совершенно определенную русскую ситуацию. Суть в следующем. Русская власть носит автосубъектный характер по сути, а функционально стремится к моносубъектности, т.е. к недопущению появления иных властных субъектов. Властный субъект может быть только один-единственный. Появление второго (третьего, четвертого и т.д.) разрушает эту власть и строй, системообразующим элементом которого она является»⁶.

Однако, теоретические поиски смысла *Смуты* оказываются нерасторжимо сплавлены с осмыслением *Империи* – и как генератора стратегических целей и исторической судьбы России, и как системы взаимодействия власти и народа, имеющей свои иммунные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

Если отвлечься от всевозможных негативных коннотаций термина «Империя» и оставить главное в метафизическом смысле этого слова, то *Империя* (во всяком случае, в русском историософском осознании) призвана быть земным оплотом *Императива*, равно как *Держава* должна выступать силой, *сдерживающей* Зло. Соответственно, Власть в Империи призвана служить, в первую очередь, не инструментом согласовывания частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа. Это дает и обществу, и индивиду социальный смысл жизни как Служения, позволяет ощутить причастность надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени – тем более, вне всяких *смутных времен*.

«Империя Россия» представляет собой не столько форму организации пространства, сколько форму организации массового сознания. Поэтому «Имперскость» России предполагает особое *единение власти и народа*. Народ выступает не только строителем Империи, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Империи, согласовывая относитель-

ность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом. Если действия элит открыто вступают в антагонизм с фундаментальными ценностями народа, ставят под угрозу само бытие Империи – наступает Смутное время. При этом системообразующий вопрос всяких смутных времен – вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решается в массовом сознании, в системе архаических координат «*свой – чужой*». Народ берется «за вилы» лишь тогда, когда власть в очередной раз наступает на уже забракованные отечественной историей «грабли», провоцируя смуту⁷.

Смутные времена могут быть интерпретированы как периоды своеобразной «переоценки ценностей» в имперской истории, обусловленной необходимостью обновления базового комплекса идеологием (восстановления соразмерности соотношения между сакральными сверхзадачами и реальными земными ценностями, между метафизическим смыслом Империи и его официальным выражением) и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью (возрождения самосознания имперского общества как целостного субъекта истории, возвращения утраченной цельности переживания жизни как осмысленного *служения*). *Смута* начинается с идеологического банкротства государства и психологического отчуждения масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность, и заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции⁸.

Таким образом, массовое сознание в итоге оказывается не только ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием фактической жизнеспособности и этих сил, и представляемых ими политико-правовых режимов, и, так называемых, «исторических альтернатив». Именно массовому сознанию принадлежит доминантная роль в механизме возникновения, развития и преодоления смут и революций в России⁹.

В этой связи несправедливый интерес представляет ставшая модным трендом современного руссиеведения формула «две России». Так, если под «*первой Россией*» мы будем подразумевать совокупность ориентированных на Запад элит, приватизировавших доступ к национальным ресурсам и основные материальные блага, а под «*второй Россией*» будем иметь в виду совокупность ориентированных на почвеннические ценности массовых слоев нашего населения, отстраненных от контроля над распределением ресурсов и сохраняющих относительную автономию собственных социальных миров от миров властной бюрократии и крупного бизнеса, то в таком случае следует признать факт взаимного нигилистического противостояния «*двух России*».

Тогда между смутой нынешней и смутой, пик которой пришелся на 1917 г., можно провести вполне определенные параллели.

Либерально-демократические идеологемы в 1917 г. при сопоставлении с императивами массового сознания образовывали целую систему бинарных архаических оппозиций «двух России» по принципу «чужой – свой» (конституция – царь, правовое государство – правый государь, закон – обычай, законопослушность – властебоязнь, личность – община, гражданское общество – служилое государство, демократия – авторитаризм, многопартийность – соборность, плюрализм – единство, собственность – антисобственничество, буржуазность – антибуржуазность, буржуазное равенство (как основа правового строя) – социальный иерархизм (как основа естественного порядка), буржуазный индивидуализм – авторитарный коллективизм, рыночная экономика – моральная экономика, протестантская (накопительская) трудовая этика – православная (потребительская) трудовая этика, накопительство – самовоспроизводство, социальная конкуренция – круговая порука, политическая интеграция – общинный партикуляризм, индустриальное общество – традиционное общество, успешность – эгалитаризм, договорной характер власти – патернализм, секулярность – религиозность... и т.д.). В результате, российская, якобы «демократическая», власть образца 1917 г. оказалась в «противофазе» с массовым сознанием – и, не будучи подкреплена обращением к традиционным имперским ценностям, – была сметена стихией массового протеста. Его выразителем стал на время большевизм, основой успеха которого явился резонанс историческому пульсу не желавшей погибать Империи¹⁰.

В фактическом противостоянии «двух России» на рубеже XX–XXI вв. можно выделить параметры, очевидно сходные с ситуацией 1917 г. И из модернизационного проекта современной России жизненно важно исключить наступание на уже опробованные грабли отечественной истории.

В таком контексте, «Смута» не только остается мерой понимания России, но само преодоление Смуты – как преодоление, главным образом, конфликта идентичностей власти и народа – является главной задачей России в ее настоящем и ближайшем будущем. С ним связана и реальная пригодность отечественной государственности остаться субъектом управления бывшей/грядущей сверхдержавой, находящейся перед необходимостью совершить новый исторический рыбок в достойное ее будущее, и само выживание России как единого государства, способного сохранить су-

веренный контроль над огромной территорией и богатейшими ресурсами.

Большинство нашего народа, заставшее начало последней Смуты – развала Советского Союза (как превращенной формы Российской империи) – не оставляет надежды увидеть обратный процесс – процесс возрождения Державы и преодоления кризиса идентичностей власти и народа. Важные шаги к новой идентичности властью сделаны. Весной 2014 г., пожалуй, впервые за последнюю четверть века значительная часть народа России вновь ощутила единение с властью, с удовольствием признав ее «своей», вспомнив подзабытые чувства национальной гордости и государственного патриотизма. Русская идеологема: «Крым наш!» – так возмутившая бандеровскую часть Украины и беспокоившая русофобский Запад и агентов его влияния внутри самой России – на самом деле не просто всколыхнула историческую память народа о русской крови, пролитой за этот полуостров. Она возродила надежду миллионов на обретение своего утраченного – отнятого – Отечества, на возвращение исторического смысла общественной и государственной жизни России, на восстановление ее физического и метафизического единства. Время покажет, сбудутся ли эти надежды – или слова «Единая Россия» останутся лишь временным названием партии, не оправдавшей своего имени.

¹ См., напр.: *Кара-Мурза А.А.* Между «Империей» и «Смутой». М., 1996.

² См., напр.: *Кондаков И.В.* «Смута»: эпоха «безвременья» в истории России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 55–67.

³ Цит. по: *Тульская М., Вознесенский А.* Политехнический Вознесенский // *РГ*. 2004. 12 мая. № 3473.

⁴ *Булдаков В.П.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 гг. // *Acta Slavica Japonica. Hokkaido*, 2005. Т. 22. Р. 95.

⁵ См., напр.: *Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина.* М.: ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. 348 с.

⁶ *Фурсов А.И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего // *Обозреватель. Observer*. 2012. № 3. С. 29.

⁷ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории // *Обозреватель. Observer*. 2010. № 7. С. 96–103.

⁸ См.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Империя» и «Смута» в современном россиеведении // *Новый исторический вестник*. 2011. № 4 (30). С. 89–96.

⁹ *Марченя П. П.* Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // *Россия и современный мир*. 2008. №4. С. 82–99.

¹⁰ См.: *Марченя П.П.* Империя, партии и массы в русской смуте // *Власть*. 2010. № 3. С. 105–110.